

М. Е. Проскурякова

В чем карельские крестьяне обвиняли волостных старост? Проблема злоупотребления земской властью во второй половине XVII века

На протяжении XVII в. учреждения государственной власти на Русском Севере взаимодействовали с органами земского самоуправления. Воеводы были наделены административными, судебно-полицейскими и финансовыми полномочиями. При исполнении своих функций они опирались на выборных земских глав — старост, которые, играя роль чиновников низшего звена, были ответственны за сбор податей и суд на уровне волости и погоста.

В начале XX в. институты земского самоуправления на Русском Севере привлекли внимание крупнейшего отечественного специалиста по истории XVII–XVIII вв. М. М. Богословского¹. Анализируя феномен наделения выборных глав широкими полномочиями в области финансов и суда, ученый пришел к выводу о проправительственном характере их власти. Историк изучил процедуры избрания и компетенции старост и целовальников в отдельных волостях и уездах Русского Севера в XVII в. После публикации фундаментальной работы М. М. Богословского фокус внимания исследователей надолго сместился с заурядной работы земского самоуправления на действия его представителей в период обострения социально-экономических противоречий. В книгах Р. Б. Мюллер, А. И. Копанева, Е. В. Чистяковой, Н. Н. Покровского акцент был сделан на изучении конфликтов между избранными лицами и выбравшей их

общиной, а также на анализе работы представительных органов власти во время восстаний и бунтов². Возрождение интереса к повседневной деятельности старост и крестьян в мирные периоды, на наш взгляд, связано с серией концептуальных статей 1990–2010-х гг. Е. Н. Швейковской о феномене земского самоуправления в России XVI–XVII вв.³ Историк наметила несколько направлений для будущих исследований по проблеме, в том числе изучение зоны контактов, региональных властей и представительных учреждений⁴. В конкретно-исторических работах современных ученых В. Е. Борисова, Е. Д. Суловой, М. И. Парфени центральное место отведено анализу различных аспектов повседневного взаимодействия земских властей и общины в период выборов, сбора податей, отчета о доходах и расходах⁵. Необходимо отметить также широкую географию в их исследованиях: ученые изучают институты самоуправления в Европейской части России, на Урале и в Сибири.

Настоящее исследование посвящено проблеме злоупотребления властью главами земского самоуправления в одном из регионов Русского Севера — Олонецком уезде. С 1649 г. административным центром Заонежских и Лопских погостов, местом пребывания воевод и работы приказной избы стал город-крепость Олонец. Олонецкий уезд включал в себя пятнадцать Заонежских и семь Лопских погостов, в каждом из которых крестьяне ежегодно избирали волостных старост. Основное внимание в работе уделено конфликтным взаимоотношениям выборных властей и крестьянской общины и неправомочным действиям старост. Акцент в исследовании сделан на периоде, когда истекали полномочия земского главы и необходимо было организовать новые выборы. В это время обострялись противоречия между кандидатами на пост и избирателями, и разгоралась борьба за должность.

Исследование выполнено на основании анализа документов Олонецкой воеводской избы, которые отложились в собрании Архива Санкт-Петербургского института истории РАН (Ф. 98)⁶. Материалы олонецкого делопроизводства представлены двенадцатью тысячами сставов за середину XVII — начало XVIII в. Среди них отдельный комплекс составляют документы о смене глав земской власти в погостах Олонецкого уезда. Внутри этого комплекса отложились указы воевод с повелением о проведении выборов, а также акты об избрании новых старост («выборы»). Кроме того, в фонде хранится несколько обширных дел о конфликтах внутри общины между выборными властями и крестьянами.

В рамках исследования было изучено следственное дело о неправомочных действиях старост и сборщиков в Оштинском погосте Олонецкого уезда в 1662–1665 гг., а также документы о проведении выборов на земские должности в том же погосте в 1677 г. Оштинский погост был расположен на южном берегу Онежского озера и при впадении р. Ошта в озеро. Погост граничил с Веницким погостом на западе и Мегорским — на востоке. По состоянию на конец 1670-х гг. в Оштинском погосте вместе с Шимозерской волостью было 497 крестьянских дворов⁷, а службы проходили в двух храмах⁸.

Безусловно, важнейшей и наиболее сложной задачей волостных старост являлось участие в раскладке, сборе и выплате в казну податей («денежных доходов» и «хлебных запасов»). Фактически крестьянский «мир» передавал земским главам всю ответственность в фискальных делах: коллективная ответственность общины за подати буквально становилась личным делом избранного старосты⁹. Недополученные казной средства («недоимки») взыскивались со старосты и погашались через продажу его имущества. Кроме того, земские главы были ответственны за иные расходы, такие как оплата поездок в Олонец или Великий Новгород по делам общины («мирской расход»).

В составе архива олонечких воевод, пожалуй, самым крупным делом об остром конфликте между старостами и общиной является следствие, начавшееся в 1664 г.¹⁰ Обвинения сторон сводились к следующему: по мнению старост, волостные жители не расплатились с ними за средства, потраченные на нужды общины; в свою очередь крестьяне считали, что старосты дважды и трижды собирали с них деньги по одним и тем же статьям «мирского расхода», не выдавая при этом отписей об уже совершенных платежах. В 1662/63 г. на жителей погоста был разложен сбор для погашения расходов, понесенных старостами во время приезда новгородского сыщика дворянина Семена Куроповича Мякинина («на харчи»), а также во время поездок в Великий Новгород по требованию С. К. Мякинина. В январе 1664 г. староста Оштинского погоста Наум Семенов подал челобитную с просьбой о взыскании с крестьян Залесской трети десяти рублей, которые они не заплатили за «мирские расходы» прежних старост, и семи рублей за понесенные на этом убытки¹¹. Однако в ответ на жалобу Н. Семенова окольный и воевода Василий Александрович Чоглоков и дьяк Дружина Протопопов 29 апреля 1664 г. отдали распоряжение провести в погосте сыск о деятельности самих земских глав, так как еще ранее получили тревожные известия о многочисленных злоупотреблениях властью при сборе денег на «мирской расход»: «И ныне ведомо учинилось <...>, что он, староста, с теми приставы стакався заодно мимо наказную память на многих жылецких людей доправили денег больши ста рублев, а в том-де зборе брали денги в новгородцкую издежку, и в тех-де денгах многих били на смертном правеже для своей безделной корысти, и продажи, и убытки чинили большие и отписей многим не давали, а которым и давали, и то не во всех деньгах, и от того их игогу многие бредут врознь»¹². Таким образом, Н. Семенов обвинялся крестьянами в незаконных («лишних») сборах, а также нарушении порядка принятия платежей (деньги принимались без документального подтверждения платежа).

При исследовании дела обращает на себя внимание педантичность действий всех заинтересованных сторон. Воевода и дьяк направили в Оштинский погост дьякона Кондушской волости Мегорского погоста Ивана Титова и дьячка Щелейской волости Оштинского погоста Пашку Тихонова Попова для сыска и расспросов по делу¹³. Выполняя поручение, И. Титов и П. Тихонов затребовали у старост и денежных сборщиков списки с памятей и росписей,

в которых был определен размер платежа с каждого участка, а также полученные средства. Также у крестьян были взяты списки с отписей о платежах на «мирские издержки», а у ямщиков и «мирских посыльщиков» — списки с подрядных и платежных отписей. Кроме того, И. Титов и П. Тихонов проверили приходные и расходные книги и составили выписи¹⁴. Судя по содержанию сказок, которые удалось собрать И. Титову и П. Тихонову, некоторые крестьяне обвиняли земских глав не только в нарушении порядка сбора денег, но и в злонамеренном искажении данных о финансовом положении общины и прямом подлоге.

В сказке, поданной 17 мая 1664 г., крестьянин Родка Симанов Шестой ставил в вину Науму Семенову, что в течение 1662/63 г., будучи денежным сборщиком, он не давал отписей за взятые деньги, брал деньги по одному и тому же сбору дважды и трижды и «многих обижал» во время выборов («ему зборщику, Наумку, и с луков против роспусков денги у меня плачены все и сполна, а о[т]писей он не даст, оманывает не одного меня и не в один ряд, и многим отписей не дает, и [в] выборах многих обижал, и преж сего берет с одного збору не [в] один ряд, емлет денги и вдвой и трой») ¹⁵. Исходя из слов Родки, можно прийти к заключению, что сборщик Н. Семенов мог использовать свое положение и оказать давление на крестьян во время своего избрания в старосты. Возможно, его избрание на 1663/64 г. состоялось именно из-за того, что представители общины не желали конфликта с человеком, который был ответственен за сбор денег в «мирской расход».

Совершенно иного рода злоупотребления волостных старост были описаны 16 мая 1664 г. оштинским дьячком Лучкой Ивановым сыном Маврачевым. Будучи ответственным за писарскую работу, в частности за запись документов о займах, он свидетельствовал против старост Наума Семенова и Ондreja Меншикова как лиц, виновных в составлении фиктивной кабалы. По словам Лучки, 10 мая 1664 г. («в нынешнем в 172-м году на другой день Николина Вешняго») названные старосты, а также несколько крестьян, одним из которых был Гришка Гордеев, велели ему написать от имени всех жителей Залесской трети Оштинского погоста кабалу о взятии в долг шестидесяти четырех рублей у Дмитрия Андреева Поздякова¹⁶. Дьячку объяснили, что в новую кабалу были включены все прежние займы у Д. Поздякова, а платить по ней будут все жители Залесской волости. Однако в своей сказке Л. Иванов отрицал наличие каких-либо долгов перед Д. Поздяковым: «...и то мне ведомо, под те под прежние кабалы преж сего денги розведены, и собраны, и заплачены, а збирал денги под те прежние кабалы в Залеской трети зборщик Томила Андреев»¹⁷. Дьячок не сомневался в сговоре старост с Д. Поздяковым и подлоге, и дополнил рассказ описанием попойки злоумышленников: «...и написав тое кабалу, дали Дмитрею Поздякову, а взяли оне себе на роспой под ту кабалу у его, Дмитрея, вина ведро, а пили оне, старосты, с своими заговорщики то вино в ызбе у Гаврилки Максимова»¹⁸.

Показания Лучки отчасти были подтверждены в сказке жителей Залесской трети 22 мая 1664 г., в которой названы имена пятнадцати «молотчих жилецких людей»¹⁹. Как ни странно, их список возглавляло имя старосты Ондreja Меншикова, ранее (16 мая 1664 г.) обвиненного дьячком Лучкой в составлении подложной кабалы в пользу Д. Поздякова. Среди других «молотчих» крестьян были названы имена Родиона Симанова Шестого, Юрия Епифанова и Федота Дружинина. В сказке жители трети выражали уверенность в намерении земских глав собирать с них рожь в пользу Д. Поздякова и его братьев по кабале о хлебном долге, который уже был уплачен общиной. В этой же сказке упоминался и другой случай насильственного взятия старостами Наумом Семеновым и Якимкой Михайловым кабалы с крестьянина той же волости Федотки Дружинина и вымогательства у него денег²⁰.

В целом материалы сыска, проведенного в течение мая 1664 г. в Оштинском погосте, убеждают, что по его окончании дознаватели явно встали на сторону крестьян, жаловавшихся на земских глав. Однако следствие продолжалось: на новом этапе воевода и дьяк потребовали выслать на суд в г. Олонец старост, денежных сборщиков, лиц, в пользу которых с крестьян взимались сборы в «мирской расход» (ямщиков, «новгородских посыльщиков»), крестьян, способных сделать подсчеты по книгам прихода и расхода, и, наконец, сами документы о денежных платежах. Наказная память окольничего и воеводы В. А. Чоглокова и дьяка Д. Протопопова о высылке в г. Олонец участников дела и документации была выдана 14 августа 1664 г.²¹ К сожалению, в архиве Олонецкой приказной избы не удалось выявить материалы о решении по делу об излишних денежных сборах. Вероятно, вынесение вердикта затрудняла непоследовательность позиции некоторых крестьян, игравших заметную роль в повседневных делах общины. Как показал анализ списков имен в сказках и челобитных, в случае коллективных исков один и тот же человек из положения истца нередко переходил в положение ответчика.

Вероятнее всего, в серьезной конфликтной ситуации волостные жители делали выбор, к какой партии выгоднее примкнуть. Так было в случае с конфликтом вокруг кабалы на шестьдесят четыре рубля и формированием двух противоборствующих групп: партии вокруг заимодавца (возможно, фиктивного) Д. Поздякова и группы «охудалых крестьян». Осенью 1664 г. Д. Поздяков был избран старостой Залесской трети на 1664/65 г., что значительно осложнило положение «охудалых» крестьян²². Об этом свидетельствуют две челобитные, на которых завершается сохранившийся фрагмент сысчного дела о «лишних» сборах.

С уверенностью можно утверждать, что приговор по этому делу состоялся не ранее 25 апреля 1665 г.²³ Этим днем датируется одна из двух челобитных (первая была подана 6 марта 1665 г.²⁴) крестьян Залесской трети Оштинского погоста с просьбой не взыскивать с них долг в шестьдесят четыре рубля в пользу Д. Поздякова до приговора воеводы по делу «про лишние зборы».

Обе челобитные были поданы группой крестьян, называвших себя «охудальными», и содержали по девять имен челобитчиков. В обоих документах среди истцов упомянут Гришка Гордеев. По всей видимости, именно про него дьячок Лучка Иванов сын Маврачев рассказал как про одного из инициаторов составления фиктивной кабалы в пользу Д. Поздякова²⁵. Конечно, варианты для объяснения могут быть различны: от ложного обвинения со стороны дьячка до ошибочной идентификации двух крестьян с одинаковым именем в качестве одного человека. Однако, принимая во внимание другие случаи перехода крестьян из числа истцов в число ответчиков и наоборот, логично предположить, что Гришка Гордеев в силу каких-то обстоятельств был вынужден примкнуть к группе «охудальных» крестьян.

Пример перехода на сторону «старших» крестьян, сформировавших партию вокруг Д. Поздякова, представляет история Родки Симанова Шестого. В мае 1664 г. он вместе с другими «молотчими жилаецкими людьми» Залесской трети жаловался на самоуправство Д. Поздякова и его братьев, но уже в марте 1665 г. Родка оказался в числе «хлебоятцев» старосты Д. Поздякова, что неудивительно, принимая в расчет новую высокую земскую должность последнего²⁶.

Хотя решение по спорному делу, частью которого являлась выплата денег по кабале Д. Поздякову, все еще отсутствовало, он назначил сборщика для взывания денег с крестьян: «В нынешнем, государь, во 173-м году тот кабалщик и староста нашей Залеской трети Дмитрией Ондреев Поздяков, пришед с Олонца, неведомо по какому указу до вершенья того сыского дела з братьею своею родною, и с родичи, и с советники своими, и с хлебоятцы с Родкою Симановым Шестого да с Кирилкою Ивановым Рудного с товарищи под ту кабалу денги розвели и зборщиком поставили нахвалного правитчика советника же своего Кирилкова сына Рудного Гришку, чтоб им под ту кабалу денги доправити тотчас покаместа то сыское дело не вершено, и тот их нахвалной праветчик Гришка под ту кабалу [на нас] сиротах правит болшим и непомерным правежем и б[ьет] до полусмерти»²⁷. На факт такого самоуправления «охудальные» крестьяне дважды жаловались воеводе — 6 марта и 25 апреля 1665 г.

Фактически сыское дело обрывается на этих двух документах и остается неизвестным решение воеводы, в том числе по казусу о кабале, оформленной в пользу Д. Поздякова. Однако по более поздним материалам можно сделать вывод, что в 1660-е гг. в Оштинском погосте безостановочно шла борьба волостных глав и их окружения с одной стороны и группы или групп крестьян с другой. Несмотря на существовавшие противоречия внутри общины Залесской трети, Д. Поздякова вновь избрали старостой на 1666/67 г.²⁸ Причем среди его избирателей был назван и Гришка Гордеев, жаловавшийся весной 1665 г. на Д. Поздякова воеводе по случаю с кабалой²⁹. Далее после истечения срока полномочий Д. Поздяков подал 13 марта 1668 г. челобитную с жалобой на крестьян той же трети³⁰. Претензии оказались вполне традиционными: избравшие старосту жители трети отказались платить деньги, истраченные им в «мир-

ской расход» для поездок в г. Олонец и на присланных в погост посланников и стрельцов (более десяти рублей).

Таким образом, в Оштинском погосте противоборствующие стороны активно использовали возможность урегулирования конфликта через суд воеводы, и благодаря наличию представителя государственной администрации в уезде ни одна из групп не была угнетаемой. Человек, занимавший должность старосты, имел возможность обложить крестьянский «мир» дополнительными сборами на «мирской расход» или написать подложную кабалу в пользу себя или какого-то из ближайшего окружения. И, как показало изучение материалов сыска 1664–1665 гг., старосты шли на такие злоупотребления довольно часто. Однако в 1660-е гг. активно действовали и представители общины, отказываясь платить «лишние» деньги, фиксируя нарушения и обращаясь к вышестоящим властям с просьбой расследовать неправомерные действия земских глав. В этих конфликтах волостные жители каждый раз делали выбор, к какой группе выгоднее примкнуть. Поэтому, несмотря на незаконность некоторых шагов старост и сборщиков в Оштинском погосте, существовал своего рода баланс сил.

Борьба в Оштинском погосте между разными партиями продолжалась и в 1670-е гг., что не могло не отразиться на процессе выдвижения кандидатов в старосты и голосования. Крестьянам не удалось найти взаимопонимание при избрании земских глав на 1677/78 г., в том числе из-за стремления одной из групп выбрать прежнего старосту на новый срок. Согласно правилам, староста избирался на год и не имел права быть переизбранным вновь в следующем году. В воеводских наказах данная норма объяснялась обязанностями выборных должностных лиц, чей срок полномочий завершился, прибыть в г. Олонец, предъявить властям разводные, приходные и расходные книги своего старощенья и отчитаться перед воеводской администрацией по всем фискальным делам. Отчет и счет в Олонецкой приказной избе собранных и выплаченных в казну средств мог затянуться на несколько месяцев. Поэтому избрание на очередной срок почти наверняка грозило волокитой и неразберихой в текущих делах. Тем не менее нередко крестьяне ходатайствовали перед воеводой об избрании бывшего старосты вновь и получали одобрение³¹. Таким образом, отдельных представителей общины не пугала связанная с избранием ответственность. Однако такой подход вызывал недовольство у самих волостных жителей. Для многих из них наличие опыта службы на должности старосты являлось скорее недостатком, чем преимуществом кандидата.

Судя по дошедшим до нас материалам, крестьяне Оштинского погоста, как правило, выбирали трех волостных старост. Однако границы старощений не были стабильны и менялись от году к году. В течение конца лета и осени 1677 г. в связи с выборами земского главы в Олонецкую приказную избу поступило четыре акта об избрании и челобитные от жителей Оштинского погоста и Шимозерской волости. Первоначально в Олонец прислали «выборы» на 1677/78 г. за трех человек — Семена Юрьева, избранного в Оштинский

погост, Аввакумку Тихонова — в окромные волостки Оштинского погоста, Иосифа Мартынова — в Шимозерскую волость³². Первый из трех названных крестьян был старостой в течение 1676/77 г., что противоречило воеводским наказам. Поэтому крестьяне его старощенья подали 22 октября 1677 г. челобитную с просьбой согласиться со сделанным ими выбором³³. По-видимому, это ходатайство было удовлетворено.

Однако у тех крестьян, кто не участвовал в избрании названных старост, буквально каждая кандидатура вызывала несогласие. Поэтому вскоре в Олонецкую избу поступил еще один «выбор» и челобитная. В ней большая группа крестьян просила утвердить решение об избрании еще одним старостой Оштинского погоста Афанасия Никитина сына Невежина³⁴. Если в актах об избрании С. Юрьева и А. Тихонова были названы имена 111 человек (67 и 44 соответственно), то в «выборе» А. Никитина крестьяне перечислили имена 82 человек³⁵. Немногим менее многочисленная группа волостных жителей поддержала А. Никитина при подаче коллективной челобитной — 62 человека³⁶.

В челобитной стольнику и воеводе Якову Максимовичу Стрешневу и дьяку Андрею Черново, которая датируется не позднее 11 ноября 1677 г., крестьяне обосновывали решение об избрании А. Никитина тем, что прежние старосты нарушили выборные процедуры, а также тем, что их кандидаты С. Юрьев и А. Тихонов не вызывали доверия. Так, прежних старост обвинили в сокрытии сведений о получении наказной памяти от воеводы с повелением провести выборы и спаивании крестьян, чьи имена затем были записаны в «выборах»³⁷. В свою очередь кандидатам предъявляли многочисленные претензии за плохую службу на земской должности в предыдущие годы. Так, по словам несогласных с результатами выборов крестьян, С. Юрьев до 1677 г. «старостил» в течение пяти лет и за ним числился большой долг, который он должен был заплатить в казну деньгами и хлебом³⁸. Другой новый староста — А. Тихонов — занимал должность в 1670/71 г., и, собрав «без доимки» подати с крестьян, заплатил лишь часть денег в казну, при этом подал на волостных жителей челобитную о невыплате ему податей, в результате чего эти средства пришлось взыскать с крестьян³⁹.

Примечательно, что группа крестьян в составе 82 человек не настаивала на замене С. Юрьева и А. Тихонова своим кандидатом А. Никитиным для всей общины. Напротив, волостные жители подчеркивали право крестьян, избравших С. Юрьева и А. Тихонова, быть в их старощеньи. Но для себя крестьяне-челобитчики просили изменений: «...а им, Семену и Аввакуму, старостить у тех людей, хто их выбрал, а у нас, сирот, без нашего выбору им, Семену и Аввакуму, сильно старостить и на нас, сирот, денежных доходов и хлебных запасов разводить и править не вели, государь, чтоб от них, Семена и Аввакума, твоим государевым денежным доходам и хлебным запасом в вьстери не быть»⁴⁰.

В связи с тем, что на «выборах» С. Юрьева, А. Тихонова и И. Мартынова есть помета дьяка о взятии документа «в столп»⁴¹, а на «выборе» А. Никитина, а также на челобитной в его поддержку никаких помет нет⁴², то выглядит

логичным вывод об отклонении воеводой кандидатуры последнего. Вероятно, большое значение для решения по делу имела разница во времени подачи документов. Избрание С. Юрьева, А. Тихонова и И. Мартынова состоялось вовремя, т. е. до начала нового года, а вот А. Никитин был избран с большим опозданием⁴³. Пересмотр прежнего решения главами олонецкой администрации мог спровоцировать войну челобитных от двух групп крестьян и в перспективе срыв процедуры раскладки и сбора податей. Поэтому ходатайство 62 человек за А. Никитина как за избранного ими старосту не было поддержано.

Итак, важной частью жизни карельской крестьянской общины являлось избрание старост и взаимодействие с ними по финансовым вопросам. Выбирая главу земской власти, волостные жители передавали ему право раскладки и сбора казенных податей, а также денег на «мирской расход». Безусловно, обширные функции в денежных вопросах открывали перед старостами большие возможности для злоупотреблений. Среди неправомочных действий волостных глав в источниках часто упоминаются такие, как неуплата в казну собранных с крестьян средств, многократный сбор денег по одной и той же статье расходов, принятие платежей без предоставления документов о взятии денег, составление подложных кабал об одалживании средств на нужды общины. В делах такого рода основными инструментами защиты крестьян являлось обращение с жалобой к региональной администрации, а также отказ в избрании старосты на новый срок. Данные меры зачастую не действовали напрямую — в виде явного наказания за совершенное злокозненное деяние. Однако они позволяли волостным жителям продемонстрировать земским главам свою готовность действовать и бороться против несправедливых платежей. Поэтому среди документов Олонецкой приказной избы встречаются многочисленные дела об исках двух сторон друг против друга в 1660–1670-е гг. Активное участие в мирских делах представителей государственной администрации, которая выступала своего рода третейским судьей в спорах старост и крестьян, по-видимому, способствовало предотвращению значительных злоупотреблений как со стороны старост, так и со стороны крестьян.

¹ Богословский М. М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в.: в 2 т. М., 1909–1912.

² Мюллер Р. Б. Очерки по истории Карелии XVI–XVII вв. Петрозаводск, 1947; Чистякова Е. В. Городские восстания в России в первой половине XVII века (30–40-е годы). Воронеж, 1975; Копанев А. И. Крестьяне Русского Севера в XVII в. Л., 1984; Покровский Н. Н. Томск 1648–1649 гг. Воеводская власть и земские миры. Новосибирск, 1989.

³ Швейковская Е. Н. 1) Выборы и «выбор» в северорусском мире XVII в. // Право в средневековом мире. 2008. М., 2008. С. 249–274; 2) Государственная администрация и земские миры на Севере России: структура и взаимодействие (XVII век) // Сословия и государственная власть в России. XV — середина XIX в. Международная конференция — Чтения

памяти акад. Л. В. Черепнина. Тезисы докладов. Москва, 13–16 июня 1994 г. Ч. II. М., 1994. С. 196–206; 3) Самоуправление в России XVI–XVII вв. // Российская государственность: опыт 1150-летней истории: Материалы Международной научной конференции (Москва, 4–5 декабря 2012 г.). М., 2013. С. 130–142.

- ⁴ Швейковская Е. Н. Государственная администрация и земские миры... С. 198.
- ⁵ Борисов В. Е. Общинное самоуправление в Зауралье в XVII в.: Замещение выборных должностей // Новый исторический вестник. 2010. № 4. С. 18–25; Сулова Е. Д. 1) «Волостной нобилитет» Заонежских погостов во второй половине XVII в.: К вопросу о родственных связях и социальном происхождении // Научный диалог. 2015. № 12 (48). С. 339–351; 2) Приходское духовенство и его роль в управлении Заонежскими и Лопскими погостами во второй половине XVII – начале XVIII в. Петрозаводск, 2016. URL: http://carelica.petsu.ru/mediateka/pdf/SUS_4.pdf; Парфеня М. И. 1) Мирское самоуправление в Сибири во второй половине XVII в.: Выборные и выборщики Верхотурского и Иркутского уездов // Актуальные проблемы исторических исследований: Взгляд молодых ученых: Сборник материалов Международной молодежной научной школы-конференции (12–14 октября 2020 г.) / Отв. ред. Т. И. Морозова. Новосибирск, 2020. С. 155–164; 2) Мирское самоуправление в слободах Верхотурского уезда в XVII веке // Двенадцатые Татищевские чтения. Всероссийская научно-практическая конференция (Екатеринбург, 19–20 ноября 2019 года). Материалы / Отв. ред. И. В. Побережников. Екатеринбург, 2020. С. 108–115.
- ⁶ Архив СПбИИ РАН. Ф. 98 (Олонецкая приказная изба). Черновая опись.
- ⁷ Чернякова И. А. Карелия на переломе эпох: Очерки социальной и аграрной истории XVII в. Петрозаводск, 1998. С. 156–157.
- ⁸ Якушев Д. И. Там, на Купецком озере, где роду моему начало... Петрозаводск, 2013. С. 104. URL: http://carelica.petsu.ru/Reading_hall/KUPEC_EL_V/
- ⁹ Проскурякова М. Е. Механизм избрания крестьянских старост в карельской деревне (последняя четверть XVII века) // CARELiCA: Научный электронный журнал. 2018. № 1 (19). С. 45–46. URL: [http://carelica.petsu.ru/CARELiCA_/1_2018_\(19\)/prockuryakova.html](http://carelica.petsu.ru/CARELiCA_/1_2018_(19)/prockuryakova.html)
- ¹⁰ Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. Карт. 5. Д. 124.
- ¹¹ Там же. Ст. 2–3.
- ¹² Там же. Ст. 3.
- ¹³ Там же. Ст. 2–3; Сулова Е. Д. Приходское духовенство... С. 64.
- ¹⁴ Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. Карт. 5. Ст. 6–59.
- ¹⁵ Там же. Ст. 41.
- ¹⁶ Там же. Ст. 48.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же. Ст. 59
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же. Д. 174.
- ²² Там же. Д. 188.
- ²³ Там же. Ст. 2.
- ²⁴ Там же. Ст. 1.
- ²⁵ Там же. Д. 124. Ст. 41.
- ²⁶ Там же. Д. 124. Ст. 59; Д. 188. Ст. 1, 2.
- ²⁷ Там же. Д. 188. Ст. 1.
- ²⁸ Там же. Карт. 6. Д. 45. Ст. 1.
- ²⁹ Там же. Карт. 5. Д. 188. Ст. 1, 2; Карт. 6. Д. 45. Ст. 1.
- ³⁰ Там же. Карт. 6. Д. 45. Ст. 1.
- ³¹ Там же. Карт. 7. Д. 101; Карт. 11. Д. 184/39.
- ³² Там же. Карт. 8. Д. 133. Ст. 1 – 2 об., 3 – 5 об., 6 – 7 об.
- ³³ Там же. Ст. 9–11.
- ³⁴ Там же. Ст. 12 – 14 об.

- ³⁵ Там же. Ст. 1 – 2 об., 3 – 5 об., 12 – 14 об.
³⁶ Там же. Карт. 9. Д. 1. Ст. 1–4; *Суслова Е. Д.* «Волостной нобилитет»... С. 344.
³⁷ Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. Карт. 9. Д. 1. Ст. 2.
³⁸ Там же. Ст. 2, 3.
³⁹ Там же. Ст. 3, 4.
⁴⁰ Там же. Ст. 4.
⁴¹ Там же. Ст. 1 об., 3 об.
⁴² Там же. Ст. 12 об.
⁴³ Там же. Ст. 1, 3, 6, 12.

References

- BOGOSLOVSKII M. M. *Zemskoe samoupravlenie na Russkom Severe v XVII v.* [Self-Government in the Russian North in the 17th century. In Russ.]. Moscow, 1909–1912. Vol. 1, 2.
- BORISOV V. E. *Obshchinnoe samoupravlenie v Zaural'e v XVII v.: Zameshchenie vybornykh dolzhnostei* [The communal self-government in the Zauralie in the 17th century: Filling elective positions. In Russ.] // *Novyi istoricheskii vestnik*. 2010. No. 4. P. 18–25.
- CHERNYAKOVA I. A. *Kareliia na perelome epokh: Ocherki sotsial'noi i agrarnoi istorii XVII v.* [Karelia at the turn of the epochs: Essays on the social and agrarian history of the 17th century. In Russ.]. Petrozavodsk, 1998.
- CHISTYAKOVA E. V. *Gorodskie vosstaniya v Rossii v pervoi polovine XVII veka (30–40-e gody)* [The Urban uprisings in Russia in the first half of the 17th century (1830s–1840s). In Russ.]. Voronezh, 1975.
- KOPANEV A. I. *Krest'iane Russkogo Severa v XVII v.* [Peasants of the Russian North in the 17th century. In Russ.]. Leningrad, 1984.
- MYULLER R. B. *Ocherki po istorii Karelii XVI–XVII vv.* [The essays on the history of Karelia in the 16th–17th centuries. In Russ.]. Petrozavodsk, 1947.
- PARFENYA M. I. *Mirskoe samoupravlenie v Sibiri vo vtoroi polovine XVII v.: Vybornye i vyborshchiki Verkhotur'skogo i Irkut'skogo uezdov* [The self-government in Siberia in the second half of the 17th century: The elected and electors of the Verkhoturysk and Irkutsk uyezds. In Russ.] // *Aktual'nye problemy istoricheskikh issledovaniy: Vzgljad molodykh uchenykh: Sbornik materialov Mezhdunarodnoi molodezhnoi nauchnoi shkoly-konferentsii (12–14 oktiabria 2020 g.)* / *Otv. red. T. I. Morozova*. Novosibirsk, 2020. P. 155–164.
- PARFENYA M. I. *Mirskoe samoupravlenie v slobodakh Verkhotur'skogo uезда v XVII veke* [The self-government in the settlements of Verkhoturysk uyezd in the 17th century. In Russ.] // *Dvenadtsatye Tatishchevskie chteniya. Vserossiiskaia nauchno-prakticheskaiia konferentsiia (Ekaterinburg, 19–20 noiabria 2019 goda)*. Materialy / *Otv. red. I. V. Poberezhnikov*. Ekaterinburg, 2020. P. 108–115.
- POKROVSKII N. N. *Tomsk 1648–1649 gg. Voevodskaiia vlast' i zemskie miry* [Tomsk 1648–1649. Voivodship power and zemstvo worlds. In Russ.]. Novosibirsk, 1989.
- PROSKURYAKOVA M. E. *Mekhanizm izbraniia krest'ianskikh starost v karel'skoi derevne (poslednyiiaia chetvert' XVII veka)* [Mechanism of electing the heads of Karelian villages during the last quarter of the 17th century. In Russ.] // *CARELiCA: Nauchnyi elektronnyi zhurnal*. 2018. No. 1(19). P. 38–55. URL: [http://carelica.petsru.ru/CARELiCA_/1_2018_\(19\)/proskuryakova.html](http://carelica.petsru.ru/CARELiCA_/1_2018_(19)/proskuryakova.html) (date of access 12.11.2024).
- SHVEIKOVSKAYA E. N. *Vybory i "vybor" v severorusskom mire XVII v.* [Elections and document on election in the Northern Russian peasant' society of the 17th century. In Russ.] // *Pravo v srednevekovom mire*. 2008. Moscow, 2008. P. 249–274.
- SHVEIKOVSKAYA E. N. *Gosudarstvennaia administratsiia i zemskie miry na Severe Rossii: struktura i vzaimodeistvie (XVII vek)* [The state administration and peasant' societies in the North of Russia: Structure and interaction (17th century). In Russ.] // *Sosloviia i gosudarstvennaia vlast' v Rossii. XV – seredina XIX v. Mezhdunarodnaia konferentsiia – Chteniia pamiati akad. L. V. Cherepnina. Tezisy dokladov*. Moskva, 13–16 iunia 1994 g. Ch. II. Moscow, 1994. P. 196–206.
- SHVEIKOVSKAYA E. N. *Samoupravlenie v Rossii XVI–XVII vv.* [The self-government in Russia in the 16th–17th centuries. In Russ.] // *Rossiiskaia gosudarstvennost': opyt 1150-letnei istorii: Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Moskva, 4–5 dekabrya 2012 g.)*. Moscow, 2013. P. 130–142.

SUSLOVA E. D. *Prikhodskoe dukhovenstvo i ego rol' v upravlenii Zaonezhskimi i Lopskimi pogostami vo второй половине XVII — nachale XVIII v.* [Parish clergy and their role in the management of Zaonezhsky and Lopsky parishes in the second half of the 17th — early 18th centuries. In Russ.]. Petrozavodsk, 2016. URL: http://carelica.petrstu.ru/mediateka/pdf/SUS_4.pdf (date of access 22.11.2024).

SUSLOVA E. D. “*Volostnoi nobilitet*” *Zaonezhskikh pogostov vo второй половине XVII v.: K voprosu o rodstvennykh svyaziakh i sotsial'nom proiskhozhdenii* [“Volost nobilis” of Zaonezhye pogosts in the second half of 17th century: on kinship and social background. In Russ.]. // Nauchnyi dialog. 2015. No. 12 (48). P. 339–351.

YAKUSHEV D. I. *Tam, na Kupetskoye ozere, gde rodu moemu nachalo...* [There, on Kupetskoye Lake, where my family began... In Russ.]. Petrozavodsk, 2013. URL: http://carelica.petrstu.ru/Reading_hall/KUPEC_EL_V/ (date of access 22.11.2024).

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

М. Е. Проскурякова. В чем карельские крестьяне обвиняли волостных старост? Проблема злоупотребления земской властью во второй половине XVII века // Петербургский исторический журнал. 2024. № 4. С. 271–283

Аннотация: Статья посвящена институту земского самоуправления в Олонецком уезде во второй половине XVII в. В фокусе внимания автора находятся конфликтные взаимоотношения выборных старост с волостными жителями. На основании исследования документов из архива олонетских воевод изучено взаимодействие земских глав и крестьян друг с другом, а также с представителями государственной администрации в регионе. Автором были проанализированы материалы по истории Оштинского погоста Олонецкого уезда в 1660–1670-е гг. Основной акцент в работе сделан на выявлении наиболее типичных обвинений, которые крестьяне выдвигали в адрес волостных старост. Удалось установить, что чаще всего представители общины просили воеводу наказать земских глав за неправомерные действия при сборе платежей за расходы, понесенные старостами на нужды «мира». Другим часто встречающимся обвинением была уплата в казну лишь части из собранных с крестьян средств. Кроме того, по мнению крестьян, старосты составляли фиктивные кабалы для взятия в долг денег на несуществующие расходы. Наконец, старосты, чьи полномочия истекали, также нарушали правила при проведении выборов. Они могли настаивать на избрании на новый срок, подпавать избирателей для внесения их имен в акты об избрании, не приглашать на мирской сход, где избирались старосты, жителей всего погоста. Установлено, что крестьянская община противостояла земским главам, обращаясь с жалобами к воеводе. Последний выступал в роли судьи и посредника между старостами и общиной. Несмотря на то что воевода мог не встать на сторону крестьян, их готовность апеллировать к государственной администрации обеспечивала защиту общины от чрезмерных злоупотреблений старост.

Ключевые слова: земская власть, самоуправление, волостной староста, выборы, крестьянская община, воевода, Русский Север, Олонецкий уезд, Заонежские погосты, Олонецкая воеводская изба, XVII в.

FOR CITATION

M. E. Proskuryakova. What did Karelian peasants accuse the volost' elders of? The problem of abuse of power in the second half of the 17th century // Petersburg historical journal, no. 4, 2024, pp. 271–283

Abstract: The article is devoted to the institution of self-government in the Olonetsky *uyezd* in the second half of the 17th century. The author focuses on the conflictual relationships between elected elders and *volost'* residents. Based on the study of documents from the archive of the Olonetsky *voevoda*, the interaction of elders and peasants with each other, as well as with representatives of the state administration in the region, is studied. The author analyzed the materials on the history of the Oshtinsky *pogost* of the Olonetsky *uyezd* in the 1660–1670s. The main emphasis in the research is made on identifying the most typical accusations that peasants brought against *volost'* elders. It was traced that most often community representatives asked the *voevoda* to punish peasant' heads for unauthorized actions in collecting payments for expenses for the

needs of the community. Another frequently encountered accusation was the payment to the treasury of only a part of the funds collected from the peasants. In addition, according to the peasants, the elders formed fictitious documents to borrow money for non-existent expenses. Finally, during elections, the elders, whose powers were expiring, also violated the rules in force. They could apply for election for a new term, get voters drunk to include their names in the election documents, and not invite residents of the entire *pogost* to the communal meeting, where the elders were elected. It was established that the peasant community opposed the peasant' heads, filing complaints with the *voevoda*. He acted as a judge and mediator between the elders and the community. Even though the *voevoda* might not support the peasants, their readiness to appeal to the state administration ensured the protection of the community from the excessive abuses of the elders.

Key words: power of elected lesser officials, self-government, *volost'* elder, elections, peasant community, *voevoda*, Russian North, Olonetsky *uyezd*, Zaonezhsky *pogosts*, the Chancellery of Olonets' *voevoda*, 17th century.

Автор: **Проскурякова, Мария Евгеньевна** — к.и.н., старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН (Санкт-Петербург, Россия).

Author: **Proskuryakova, Mariya Evgen'evna** — Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, St. Petersburg Institute of History Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia).

E-mail: m-proskuryakova@mail.ru